

Глава 2. Серёжки

Мужчина шёл ровно и уверенно, его широкая спина казалась надёжной, как каменная стена.

Сяо Чэньюй устроился у него на спине, и вскоре ему стало так спокойно и тепло, что глаза сами собой сомкнулись... он заснул.

Когда юноша проснулся, то уже сидел в комнате.

Над головой вращалась потолочная лампа с вентилятором, разгоняя по комнате лёгкий прохладный ветерок.

Обстановка напоминала дом его деда и бабушки — чисто, аккуратно, по-сельски уютно. Но мебель и техника явно были получше: хозяин дома, видно, не бедствовал.

Мужчина стоял к нему спиной, вешая на стену дождевик.

— Э-э... дядя... — начал Сяо Чэньюй.

Тот повернулся.

Лицо оказалось совсем не «дядькиным» — молодое, резкое, не старше тридцати.

Раньше, в темноте, Сяо Чэньюй мог судить лишь по силуэту и голосу, поэтому решил, что перед ним человек в возрасте.

Теперь же, увидев его при свете, он в панике выкрутился:

— То есть... э... брат... это где я?

— У меня дома, — спокойно ответил мужчина.

— Что? У тебя дома? — Сяо Чэньюй резко напрягся. — Но ты же сказал, что проводишь меня домой!

Неужели он решил меня похитить?!

Сяо Чэньюй моментально засучил рукава и продемонстрировал на плече татуировку тигра. Вот пусть попробует!

— Я звал тебя раз десять по дороге — ты так и не проснулся, — невозмутимо сказал мужчина, мельком взглянув на него. — Я же не знаю, где ты живёшь. Что мне, бросить тебя посреди дороги?

— Оу... — Сяо Чэньюй почесал затылок, смутившись. — Понял. Извини, я не так понял.

В этот момент в комнату быстро вошла пожилая женщина с седыми волосами.

— Сяо Чи, где ты был? На улице такой ливень, я уж испугалась... — Она остановилась, заметив незнакомца в гостиной.

— Здравствуйте, бабушка! — поспешно поздоровался Сяо Чэньюй.

Но, встав с дивана, он лишь сделал хуже — вся грязь и вода с его одежды потекли на пол,

оставляя вокруг себя целую лужу.

Он взглянул на мужчину — тот выглядел не лучше: весь в грязи, словно оба только что выбрались из болота.

Пожилая женщина растерялась, не зная, с кого начать спрашивать.

— Мам, иди спать, — спокойно сказал мужчина. — Он заблудился. Дождь всё ещё идёт, я завтра отвезу его домой.

— Ладно, я тогда сварю вам имбирного отвара, — ответила она и скрылась на кухне.

Сяо Чэньюй удивлённо моргнул: Странно. Мужчине, на вид, лет двадцать с чем-то... Почему его мать такая пожилая?

Пока он размышлял, мужчина — теперь он знал, что его зовут Ван Чи — вдруг спросил:

— Ты первый пойдёшь умываться или я?

— А?.. Умываться? — переспросил Сяо Чэньюй. От голода и усталости он едва соображал.

Ван Чи явно не собирался ничего объяснять. Он скинул с себя заляпанные грязью ботинки, снимая насквозь промокшую футболку, на которой уже невозможно было различить цвет, и, проходя мимо, сказал:

— Тогда после меня.

Грязную одежду он бросил в угол, к куче верёвок.

Голый торс мужчины появился перед Сяо Чэньюем внезапно — сухие мышцы, ровные линии плеч и спины.

Парень от удивления распахнул глаза и не мог отвести взгляд, пока Ван Чи не закрыл за собой дверь ванной.

Только тогда Сяо Чэньюй спохватился, почесал нос и поспешно отвернулся.

Скоро бабушка Цзинь Сю вышла из кухни, держа в руках чашу с имбирным чаем. Узнав, что парень целый день ничего не ел, она ещё разогрела кашу и поставила на стол пару булочек на пар.

Тёплая еда растеклась по телу, и Сяо Чэньюй, наконец-то утолив голод, чуть не расплакался от облегчения.

Сытный и немного усталый, он принял душ и переоделся в одежду, которую ему дал Ван Чи.

Одежда, конечно, висела мешком — они были разного роста и сложения. При каждом шаге рубашка наполнялась воздухом и вздувалась, словно парус.

Когда он вошёл обратно в комнату, Ван Чи уже сидел на кровати в майке, опершись спиной на стену и листая телефон.

Сяо Чэньюй осмотрелся: в комнате стояла только одна кровать.

— Э... брат, а где я буду спать? — спросил он.

Ван Чи похлопал ладонью по свободному месту рядом.

Сяо Чэньюй тут же помрачнел.

— Что, не устраивает? — поднял на него глаза Ван Чи.

— Просто... здесь только одна кровать... я... — замялся парень.

Он никогда не спал с кем-то на одной постели, даже с друзьями.

— А другой комнаты нет?

— Нет, — коротко ответил Ван Чи и снова опустил взгляд на телефон.

Сяо Чэньюй растерялся.

Он не хотел спать с посторонним, но идти обратно — значило брести под дождём больше получаса. Да и кто знает, не угодит ли он снова в какую-нибудь яму.

При этой мысли его передёрнуло. Ладно, одну ночь потерплю.

Он глубоко вздохнул, подошёл к кровати и, проверив ладонью матрас, пробормотал:

— Я тогда сплю у стены.

Ван Чи чуть приподнял бровь, согнул ногу и отодвинулся, освобождая место.

Когда свет погас, Сяо Чэньюй долго не мог сомкнуть глаз.

В темноте слышалось ровное дыхание незнакомого мужчины, за окном тихо шелестел дождь.

Было почти умиротворённо, если бы не отголоски страха, всё ещё жившие в его груди.

Он не выдержал тишины и негромко сказал:

— Эй, брат... спасибо, что спас меня сегодня.

Ван Чи, которого он разбудил этой фразой, сонно ответил:

— Угу.

Наступила долгая тишина.

Ван Чи снова заснул — и снова рядом послышался голос:

— Брат... меня зовут Сяо Чэньюй. А тебя как?

Во второй раз разбудить человека — уже подвиг.

Ван Чи недовольно перевернулся на другой бок, но ничего не ответил.

Сяо Чэньюй, не унимаясь, пробормотал:

— Вот ведь странно... мы уже спим вместе, а я даже не знаю, как тебя зовут.

«Спим вместе» — это он так сказал?

В третий раз Ван Чи не выдержал.

Даже его железное терпение дало трещину.

Он резко потянулся, зажал парню рот ладонью и приглушённо велел:

— Не носи чушь. Спи.

Тёплая, сухая ладонь полностью закрыла ему пол-лица, дыхание стало прерывистым.

Сяо Чэньюй замахал руками, стянул чужую руку с себя и, ворча, перевернулся на бок:

— Понял, понял я...

Наутро выглянуло солнце.

Ранним утром Ван Чи накормил пса во дворе, потом, пока жара не поднялась, пошёл за дом, чтобы выкопать пару свежих овощей с огорода.

Когда он вернулся, отряхнул землю с рук и поставил лопатку в сарай, то в доме уже слышались голоса.

Сяо Чэньюй проснулся и теперь сидел за столом, что-то оживлённо рассказывая его матери.

Солнечные лучи ложились на золотистые волосы юноши, он весь словно светился. Щёки у него порозовели, глаза, как и вчера, сияли ярко и живо.

Ван Чи налил себе миску каши и сел напротив, ел молча, слушая, как тот разговаривает.

Парень неожиданно оказался хорошо осведомлён о китайских сериалах — обсуждал сюжетные линии, актёров, даже пересказывал закулисные сплетни.

Бабушка Цзинь Сю хохотала так, что утирала глаза.

В какой-то момент Сяо Чэньюй повернулся и заметил на полу корзину с овощами, ещё в грязи.

— Это прямо с грядки? — удивился он.

— Конечно, — улыбнулась Цзинь Сю. — На обед их и приготовлю. Только что сорванные овощи самые вкусные.

Глаза Сяо Чэньюя загорелись.

Но Ван Чи поставил миску, поднял взгляд и сухо сказал:

— Доедай. Потом отвезу тебя домой.

— Э?.. Так быстро? — улыбка мгновенно сошла с его лица.

Вчера вечером он ещё изображал недовольство, что остался на ночь, — а сегодня вдруг уходить расхотелось.

Ван Чи сузил глаза, пальцами ритмично постучал по столу:

— Ешь быстрее.

Даже не намекнул, что можно остаться на обед.

После завтрака, Сяо Чэньюй, нахмурившись, нехотя поплёлся за ним — до самого дома.

Когда парень ушёл, Ван Чи вернулся во двор.

Подсоединил шланг и стал смывать грязь с ботинок и верёвок.

Мутная вода текла по двору, оставляя на земле коричневые следы.

— Кто тот мальчишка? — спросила Цзинь Сю, стоя у двери.

— Из северной части, из деревни Сяо. Внук старого Сяо Сы, — ответил Ван Чи.

Цзинь Сю задумалась:

— Так это сын Сяо Юаньшаня?

— Да.

Имя это знали во всех окрестных сёлах.

Когда-то здесь были только грунтовые дороги — стоило пройти дождю, как всё превращалось в сплошное болото.

После того как Сяо Юаньшань разбогател, он оплатил строительство цементной дороги: от дома своих родителей до самого выезда из деревни.

А жили его родители в самом конце, так что теперь благодаря этой дороге всем стало легче добираться.

Когда стройку закончили, люди из соседних деревень специально приходили посмотреть — завидовали, дивились, что вот, у кого-то и так бывает.

Про Сяо Юаньшаня говорили, что он давно перебрался в город, рано женился, родил сына, но вскоре потерял жену.

С тех пор не женился больше ни разу и всю любовь отдал единственному ребёнку — баловал того так, что небо с зависти бы позеленело.

Когда брал сына в деревню, не отходил от него ни на шаг — словно боялся, что тот упадёт, запачкается или простудится.

Такой отец — и вдруг отпустил сына одного, да ещё в такую грозу, в глушь?

Как такое могло случиться? — не укладывалось у Цзинь Сю в голове.

— А где ты его вчера встретил? — спросила она у сына.

Чтобы не тревожить мать, Ван Чи ответил уклончиво:

— У дороги, у въезда в деревню.

— А почему вы оба были в грязи с ног до головы?

— ...Подскользнулись, — после короткой паузы сказал он.

— Почему не оставил его пообедать? Он тебя чем-то обидел? — с недоумением спросила Цзинь Сю.

Ван Чи чуть задержался с ответом, потом спокойно произнёс:

— Нет.

Цзинь Сю посмотрела, как сын ставит сапоги к стене, чтобы те высохли. Помолчала и снова спросила:

— Сяо Чи, а зачем ты вообще вчера выходил из дома? Такой ливень стоял...

Он не ответил. Отвернулся, налил в таз воды и начал замачивать одежду.

— Мам, отдохни, — сказал он, не поднимая головы. — Обед я сам приготовлю. Что хочешь на обед?

— Всё равно, — без особого энтузиазма откликнулась она и ушла в дом.

Когда он закончил смывать грязь с обуви, то перешёл к стирке.

Вся вчерашняя одежда была пропитана грязью до волокон, носить её уже нельзя.

Сяо Чэньюй утром ушёл в его вещах.

Ван Чи тщательно выстирал и свои, и его вещи.

Когда развешивал их сушиться, перевернул рубашку Сяо Чэньюя и, как и ожидал, увидел ярлык известного бренда — всё сплошь из дорогих магазинов.

Ближе к полудню солнце жарило уже по-настоящему.

Он зашёл в дом, снял мокрую футболку, переоделся в майку и достал из тумбочки аптечку — проглотил таблетку от простуды.

Вчера он сильно промок под дождём, да и ночью почти не спал из-за этого мальчишки — решил выпить лекарство, чтобы не простудиться.

Боковым зрением заметил, что коробка с жаропонижающими осталась открытой. Вынул блистер, хотел закрыть крышку — и вдруг увидел: двух таблеток не хватает.

Ван Чи помнил, что с тех пор, как купил это лекарство, сам ни одной таблетки не принимал.

Он вытащил упаковку, долго смотрел на разорванную фольгу... и всё понял:

лекарство, видимо, потихоньку выпил Сяо Чэньюй.

Неудивительно, что утром у того щёки были такие красные — значит, температура была.

Пшеницу недавно уже убрали, и теперь пришла пора сажать рис.

Рассада была готова, оставалось лишь пересадить её в залитое водой поле.

Днём Ван Чи с помощью маленького насоса накачал речной воды в свой участок, потом сходил к соседям, где работала сеялка, и договорился с мастером, чтобы тот пришёл к нему через два дня.

А когда вернулся домой, уже сгущались сумерки.

Он принял душ и только тогда почувствовал, как сошла усталость после жаркого дня.

Переоделся — и тут заметил на раковине два крошечных блестящих предмета.

Присмотрелся: серёжки.

Это Сяо Чэньюй их оставил.

Через окно падал тёплый свет, и серебристые серьги поблёскивали в полумраке — как глаза мальчишки в ту дождливую ночь.

Ван Чи немного постоял, глядя на них, потом собрал в ладонь и аккуратно положил в ящик прикроватной тумбы. После этого вышел ужинать.

Не успел доесть, как пёс во дворе вдруг залаял... значит, кто-то чужой пришёл.

Ван Чи отложил палочки и вышел, окликнул:

— Юаньбао!

Жёлтый пёс тут же замолчал, но всё ещё настороженно смотрел в сторону ворот.

Проследив за его взглядом, Ван Чи увидел, как Сяо Чэньюй стоит, прижавшись к забору, весь напряжённый.

Увидев его, парень чуть расслабился и с жалобным видом сказал:

— У тебя пёс злой какой-то!

— С чего ты взял? — Ван Чи присел, почесав Юаньбао за ухом.

Пёс, которому было чуть больше трёх лет, сразу улёгся на землю, замахал хвостом и заскулил от удовольствия.

Такое резкое превращение просто ошарашило Сяо Чэньюя.

— Значит, злитесь только на меня, да? — пробормотал он.

— Он же тебя не знает, — спокойно ответил Ван Чи и поднял взгляд. — Ты зачем пришёл?

Сяо Чэньюй тут же улыбнулся, поднял сетку в руке:

— Я яйца принёс! Спасибо, что вчера спас меня.

— Не стоило, — сказал Ван Чи, выпрямляясь. — Пустяковое дело. Яйца забери обратно. Ещё что-то?

Сяо Чэньюй шагнул во двор, бросая взгляды внутрь дома:

— Ты ужинаешь, да?

Не услышав ответа, он осторожно добавил, намекая:

— А я вот ещё не ел... От моего дома сюда так далеко — еле дошёл, весь устал.

Ван Чи спокойно посмотрел на него.

Он прекрасно понимал, на что намекает юноша, но приглашать его не спешил.

Парень выглядел всё так же: щёки горят, а губы побелели — похоже, температура ещё не спала.

«Болен — и всё равно по улице шляется?» — раздражённо подумал Ван Чи.

Тут из дома вышла Цзинь Сю, услышав их разговор:

— Чэньюй, ты как раз вовремя! Иди, поешь с нами.

Это как раз то, чего он добивался!

Сяо Чэньюй с радостью откликнулся:

— Хорошо! — сунул сетку с яйцами Ван Чи, обошёл его и прошёл в дом.

Проходя мимо, он даже подмигнул Ван Чи с довольной улыбкой человека, у которого всё получилось по плану.

Ван Чи остался стоять посреди двора, держа в руке сетку с яйцами, наклонился, погладил Юаньбао и невольно подумал:

Глаза у него... куда ярче, чем эти серёжки.

<http://bllate.org/book/12345/1101748>